

Предложение вести закадровый рассказ стало для меня неожиданным. Я не гожусь в дикторы по разным причинам. Пришлось подумать. Решил записать фонограмму умудрённо усталым и вдумчивым голосом, как это делает Александр Сокуров в «Интонации» и в «Духовных голосах». Но, послушав наговорённое мной, я понял, что у меня ничего такого не получилось. И поделом. Не нужно актёрствовать, подражать, пытаться добиться звука по избранному эталону. Впредь лучше исходить только из собственных

возможностей. Но уже хорошо, что я не испортил тональность фильма. Спасала и мускулистая, будоражащая музыка Дениса Писарева, и ненавязчивые, но изобретательные эффекты монтажа, и красота «картинки» в фильме в целом, который был давно готов в воображении его автора – Сергея Алексеевича Уварова.

Пусть и считается, что кино – труд большой ватаги единомышленников. Но всё же всегда есть инициатор и автор идеи.

Успеха ему!

Наталья Малина

nv-malina@mail.ru

хранитель органа БЗК,
заведующая Органной мастерской
Московской консерватории.

«ЭТОТ ФИЛЬМ ВНОСИТ СВОЮ ЛЕПТУ В РАССКАЗ О МУЗЫКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ»



*Ректор Московской консерватории А.С. Соколов и Н.В. Малина
на сцене Большого зала Московской консерватории.*

Фото Дениса Рылова

Мне думается, что люди, которые приходят слушать органные концерты в Большой зал консерватории, редко представляют себе, насколько непростым строением обладает этот инструмент.

Они видят только очень красивый, стройный фасад (его автор – архитектор Артур Симила), но не представляют себе, что за ним скрывается. Блестящие серебристые масштабные трубы (86 штук) со-

ставляют проспект органа (так называют трубы, установленные в фасадной части его корпуса). И мало кому из слушателей приходит в голову, что за фасадом располагается целое 4-этажное строение, где находятся ещё около трёх с половиной тысяч труб – от больших 10-метровых, составляющих регистр Флейта 32', до малюсеньких, величиной с маленький карандашик – трубы обертоновых реги-

стров. Некоторые трубы стоят, а другие лежат – направлены раструбами в зал и в наиболее сильном звучании как бы «перелетают» своим ярким тембром через всю звучность органа.

История органа чрезвычайно интересна. В первые дни его существования сюда приходил Лев Толстой и осматривал инструмент, лазая по дорожкам и переключателям и разговаривая с французскими мастерами, заканчивавшими его интонировку (сбалансирование общей звучности органа и отдельных его голосов). Много-много можно рассказывать о его судьбе...

ДВА МАЛЕНЬКИХ СЛУЧАЯ ИЗ ПРАКТИКИ

Однажды работники противопожарной службы заинтересовались, что там внутри, и главное, что их интересовало – это, насколько горюч орган. Насколько быстро может распространиться пламя, если он вдруг случайно загорится. Учитывая, что основное управление его игровыми возможностями представляет собой многометровая (до 30 метров) трактура, состоящая из сухих тонких деревянных пластин, находящихся в свободно подвешенном состоянии, я ответила, что это произойдёт очень быстро – как бикфордов шнур.

В своё время, когда замечательный мастер Чарльз Баркер построил в церкви Святого Евстахия в Париже большой 4-мануальный орган и перед одним из концертов поправлял неполадку в механике трактуры, он случайно уронил свечку. Так как трактура многослойная, быстро достать горящую свечу он не смог ... Орган, который он строил несколько лет и тщательно над ним трудился, сгорел за пару-тройку часов... Долгое время потом эту церковь обходили своим вниманием органные мастера, считая как бы заклётым это место.

Пожарные после моего ответа задумались. Через несколько дней они пришли снова и спросили, что, если они сделают основательный металлический занавес по краю сцены, который будет опускаться сверху и отгораживать зрительный зал, если вдруг орган загорится – что я об этом думаю?

Мне сразу представилось, как должно выглядеть такое сооружение и сколько же оно будет весить. Если сделать так, то всё это непременно рухнет, – ответила я.

– А что же делать?

– Думайте...

Они подумали и снова спросили:

– Скажите, у вас вот эти трубы...

– Фасадные?

– Да, да фасадные! Они у вас... пустые?

Я задумалась. В этих трубах (а основная задача трубы – отгораживать звучащий объём воздуха от окружающего воздуха) находится именно тот воздух, который будет звучать. Недаром же на Руси издавна орган называют Чаша бесценная. А воздух, накачиваемый в органные мехи, – он не звучащий, он только пробуждает спящий в трубах воздух к звучанию. Но как им это объяснить?

– Ну, в общем, пустые.

Они обрадовались:

– А давайте мы вам туда газ зальём!

Я улыбнулась.

– Спасибо. Нет, газ, пожалуйста, не надо...

В другой раз во время настройки (а при этом процессе нужна абсолютная тишина в зале) уборщица на втором амфитеатре включила пылесос. Он издавал как раз звук на высоте ноты соль диэз. А я настраивала ноту соль в этот момент... Пришлось позвонить администратору зала и попросить выключить пылесос. Она в сердцах сказала: «Вы так давно работаете, надо было уже привыкнуть».

Когда люди заходят в орган, видят всё его простое и очень красивое устройство – конечно, их представления меняются. Они начинают относиться к нему с несколько забытым в наше время чувством – с благоговением.

Поэтому любой материал, рассказывающий об устройстве органа, о его истории – это и интересно и полезно.

РЕСТАВРАЦИЯ ОРГАНА

После реставрации в 2010–2011-х самого зала – это было очень серьёзное событие в его судьбе. Уже давно надо было «починиться» – инструмент перенёс колоссальную историю, пережив славные и трагические страницы.

Александр Сергеевич Соколов, председатель экспертной комиссии поддержал идею снять фильм об органе и его реставрации, автором которого выступил замечательный, талантливый режиссёр Сергей Уваров, много, детально и очень увлечённо работавшему над этой темой совместно с оператором Антоном Соловёвым.

Своеобразно, со своим особым видением сделан фильм, неравнодушным взором созданы страницы, повествующие

о его прежней и нынешней судьбе. Все, участвовавшие в реализации этого проекта, приложили много сил, в том числе душевных, чтобы всё получилось хорошо. Всех благодарю!

Важен и другой аспект: любят то, что знают. И, думается, этот фильм вносит свою лепту в рассказ о музыкальной истории страны, в которой этот уникальный орган выдающегося французского мастера Аристиды Кавайе-Колля сыграл и продолжает играть огромную роль.

РАССКАЗЫВАЕТ КОМПОЗИТОР

Денис Писаревский
denis_pisarevsky@mail.ru
композитор, органист,
автор музыки к фильму
«Симфония органа».

Сочинение «У Горизонта Событий» для большого ансамбля изначально задумывалось как музыка к фильму о реставрации органа Большого зала Московской консерватории.

Режиссёр Сергей Уваров предложил мне создать сонорную композицию к ряду фрагментов, в которых запечатлён процесс ремонта инструмента, а орган показан с разных ракурсов: снаружи и изнутри. Когда же я приступил к написанию музыки, то понял, что именно в этом сочинении смогу раскрыть замысел, занимавший меня уже давно. Лишь поначалу следуя за видеорядом, я довольно быстро от него ушёл, и музыка приобрела совершенно самостоятельное развитие. В этом сочинении я работаю со звуками различных тембров и плотности, синтезирую их, в результате чего образуются новые краски; экспериментирую со звучанием подготовленного фортепиано в разных регистрах, соединяя со струнными и духовыми инструментами. И, конечно же, я работаю со временем – то растягивая его, то спрессовывая настолько, что количество нотных знаков на одной странице может превосходить их содержание на десяти предыдущих. Название отсылает нас к теории величайшего современного учёного



Денис Писаревский

Стивена Хокинга, которому я и посвятил сочинение в 2016 году, ставшее также одной из моих дипломных работ на композиторском факультете. Я не ставил перед собой задачу методично и последовательно переводить сложнейшие процессы квантовой физики на язык нот. Она была бы абсурдна и невыполнима, даже если бы я имел учёную степень в данной области. Но я попытался создать некую новую звуковую реальность, куда слушатели могут погрузиться.